

Рудра Матарина

СПАСАЮСЬ СТИХАМИ...

ЛИХОЛЕТЬЕ

И вот я – «Пиковая Дама»: почти три четверти столетья участница жестокой драмы с крутым названьем «Лихолетье».

Она ведет свое начало от «окайнных дней» Гражданской, где эхо выстрелов ночами – лихой куплет кафешантанский.

Но я, дитя, еще не знаю, еще не вижу и не слышу, еще я с куклами играю, я из рябинок бусы нижу...

...Рябинки – бусинками крови разбрызганы в лесу осеннем. Но первую хмельна любовью, я не ищу от них спасенья, хоть так свежи воспоминанья о страшной ночи августовской – последнее, навек, прощанье и взгляд потерянный отцовский.

Второе действие – Великой войны Отечественной страсти, беды, опасно-многоликой, зловонные и злые пасти, И фронтовая непогода: случайность жизни, смерти – рока, пехотная штрафная рота, войны тягчайшие уроки...

А третье действие – спецлагерь: «Степлаг» в полынном Казахстане – концлагерей Особых флагман второю родиной мне станет. И всей душою я приникну к его степям, озерам, горам, и первую издам там книгу, и горькое узнаю горе: там потеряю я навеки свое единственное счастье – полжизни с лучшим человеком... Его я обрела в ненастье, в беде спецлагерной полынной в канун того Святого Съезда, что вольной жизни стал предвестьем и дал права родиться сыну...

А нынче – «Пиковую Дамой» – уже три четверти столетья участница жестокой драмы с крутым названьем – «Лихолетье». Под занавес я в эпилоге пытаюсь жизнь начать с начала, но жестко подводя итоги, припоминаю лишь печали.

А драма века – «Лихолетье» – все продолжается, все длится... Неужто даже нашим детям она под старость будет сниться?

7.08.95, Асино

СМЕЯСЬ И ПЛАЧА...

1

Смеясь и плача я всегда жила –
хватала оскорбительного зла,
но я его всегда, смеясь, встречала,
ведь без улыбки жизнь мне не мила.

И с юности знакомая с бедой,
я горе не пускала на постой –
смеясь и плача я беду встречала,
иначе бы не справилась с бедой.

Смеясь и плача и теперь живу –
лишь этим и держусь я на плаву,
и в силу исцеляющей улыбки,
как прежде, верю,
и пока – живу.

А жизни благодатная река
уже, увы, совсем не глубока;
я на мели – барахтаться пытаюсь,
посмеиваясь над собой... Пока...

2

Я Бога молю,
чтобы спас добротой мою душу,
и все же поделаться с собой
ничего не могу:
глухая обида все сушит мне сердце
и сушит,
горючие хвори
бессонно меня стерегут.

Спасаясь стихами –
не знаю надежнее средства.
Я жажду чудес,
но, увы, не приходят они.
Под старость впадая
в беспомощность раннего детства,
в разлуке с собой
короотаю все ночи и дни.

В разлуке с собою –
веселой и легкой, счастливой,
какую всегда
в самых темных невзгодах была.

Опасней всех ядов, болезней –
несправедливость.
Не хочется верить
победе ослепшего зла.

Спасаясь стихами.
Ведь Слово – есть Дело,
стихи – это тоже поступки,
хоть часто убоги слова.
Их время проверит,
а я вот пока не успела.
Пока что лишь ими одними
еще я жива.

3

Молитва

«Надеяться, верить, любить
и прощать...»
Какая молитва простая...
Но как мне с ней быть,
и как же прожить,
коль в сердце обида не тает?

Где силы найти
на неторном пути
и как научиться смиренью,
когда только сумерки ждут впереди
без солнечных бликов весенних?

Простая молитва...
Но нет к ней дорог,
покуда обида не тает,
покуда не впрок
смиренья урок.
Какая молитва простая...

4

Плачу высокою ценой
за жизнь недорогую,
хоть видит Бог мой надо мной –
я жизнью не торгую.

Но за удачу платим мы
жестокой неудачей –
не золотом, не платиной,
не чем иным тем паче.

А платим мы своей судьбой,
когда не задается –
я каждый день плачу собой,
но сердце, несмотря на сбой,
то плачет, то смеется...

5

У телевизора

В узких андалузских переулках
плещется фламенко, как прибор.
В узких андалузских переулках
нам не довелось бродить с тобой.
Нам не довелось бродить с тобою
в множестве краев родной земли.
Стали нам с тобой одной судьбою
не далеких странствий корабли,
и не поезда, не самолеты –
номерных спецлагов фонари,
будние тюремные заботы,
подконвойных далей пустыри...

Но уже не месяцы, а годы
нет тебя на солнечной земле,
Беспощадной Леты злые воды
зализали даже малый след.

Отчего ж пульсирует фламенко
юностью в озябнувшей крови?
Отчего же розовый фламинго
снится – и хоть сердце разорви.
Отчего ж студеными ночами
в северном неласковом краю
чудится – кораблик твой причалит
и уймет ее, тоску мою?

...Нервный, гордый перебор гитары...
Много лет и дней в календаре –
медленная настагает старость
и фламенко снится на заре...

6

Что мужчинам нужна подруга, –
женщинам не понять.
А тех, кто поникает,
не принято в жены брать.

Р. Киплинг. «Мэри Глостер»

...Да, я была тебе подругой,
хоть числилась тебе женой,
и вышло так, что на поруки
был отдан ты лишь мне одной.

Но так случилось – на поруки
Друг другу стали мы даны,
не принимая друг без друга
судьбы своей – не только дни.

И стала я твоим дитятей...
А в наши горестные дни
узнал ты:
женщины объятья –
объятьям матери сродни:
ты так тогда спасался мною,
когда сиротство и тоска
пытались стать твоей судьбою
и погубить наверняка...

Любовь для нас была спасеньем
в твоём сиротстве...

И тогда,
став жизни нашей воскрешеньем,
осталась с нами навсегда.
Хоть я была тебе подругой.
наверно, больше, чем женой:
друг друга взяли на поруки
мы той печальною весной...

7

Деревяшки

Все мое имущество –
наши деревянные:
мы себя не мучили
добываньем тяжким
гарнитуров мебельных,
стенок да сервантов....
Ты работал медленно,
точно, элегантно:
из дощечек строганных,
клееной фанеры
возникали строгие
наши интерьеры.
В них жила твоя душа,
добрая и мудрая –

было так легко дышать
в полудреме утренней
возле твоего плеча
крепкого, надежного,
каждый новый день встречал
верой нас и нежностью...

Но давно в сырой земле,
в дальней бесконечности
зализала Лета след:
между нами вечность...

Деревяшки нынче те
в досочки разобраны
и подобны сироте –
ждут участия доброго.
Если соберет их мне
сын на новом месте,
может, ты придешь во сне,
как жених к невесте?

8

Я в летнем городе жила
почти что сорок лет.
А ныне – в городе зимы
мне зимы зимовать
и жить, не помяная зла,
и ледяной встречать рассвет...
И о прекрасном слове «Мы»
учиться забывать.

Об арифметике любви
из «Букваря» пример:
«Мы» – это к «я» прибавить «ты»,
а к «ты» прибавить «я».
Уходят годы, и зови
тебя из горних сфер
иль не зови из высоты,
отчаянье тая –
но этой стуже и зиме
навек обречена,
весной ли, летом – все равно
живу я как во сне:
при свете солнца, но – во тьме,
одна, совсем одна...
И в светлое гляжу окно,
но сумеречно мне...

9

Дует ветер степной,
завихряясь колючим бураном,
желто-серым песком,
измельченным в его жерновах,
и мозжит одиночество
давней заштопанной раной
в поздних сумерках
или в рассветных потьмах...

Не спасает ничто.
даже вера, что где-то под ветром
есть родной человек –
он найдет, и спасет, и поможет.
И тоска умножает
недели на километры,
километры на годы,
и множит, и множит, и множит...

Только нет у меня
дорогого, как жизнь человека,
чтоб услышал мой зов
и горячие эти слова.
Видно, в серой степи
С колченогим бураном-калекой
суждено мне свой век
вековой седой доживать...

10

Опять садится солнце в тучу
и, значит, завтра снова хмарь,
и дождь, промозглый, неминуемый
вновь забубнит, как пономарь.

Он пахнет осенью в июне
и стужей сердце леденит,
и все твои надежды втуне –
есть у природы свой лимит.

Но все же, может быть, весна
когда-нибудь осуществится,
и в стуже декабря приснится,
как в яви – исполнение сна.

Живу надеждой.
И пока она
жива – и мне быть живу.
Ведь даже зимняя весна,
как всякая весна – красива.

11

Гордыня и гордость

Великим – Анне и Марине –
судьбою стала их гордыня:
одну от гибели спасла,
другой – погибель принесла.

Гордыня – гордости праматерь
и горю – старшая сестра,
ведь за нее мы жизнью платим
и болью головной с утра.

Гордыня – спутница великих,
а рядовым – опасный враг,
изменчивый и многоликий
итог житейских передряг.

Пренебрегая всем житейским
среди долгих сумеречных дней,
она родня теней летейских,
и трудно мне справляться с ней.

А гордости полынной ветер,
проветрив душу, освежив,
не только язвами пометит,
но и поможет снова жить....

12

Нет, не истрачен золотой запас
надежды, нежности
и страсти запоздалой –
всего того, что в жизни держит нас,
стареющих, седеющих, усталых.

Нет, не истрачен золотой запас
уверенности, что беда минует,
что нас поймут, и те, кто после нас
в беде своей о том же затоскуют.

Они поймут в свой трудный,
горький час,
что их страдания были не напрасны
и, воскресая в следующий раз,
поверят: жизнь, и вопреки –
прекрасна ...

*Январь – сентябрь, 1995
Алма-Ата – Асино – Томск*

* * *

Дрессировать не надо стариков
И как детишек их перевоспитывать.
Ствол – не лоза, он гнуться не готов
И прочие превратности испытывать.

Когда-нибудь он крякнет, и – навек...,
Тупой пилой без умысла израненный:
Стволу подобен старый человек,
Коль не бывал когда-то
многогранен он.

Когда-нибудь состаритесь и вы,
Хоть эта новость кажется не новою...
Так не терзайте старой головы
Своим небезопасным суесловием.

*7 сентября 2003 г.
Томск*

